

Пятница, 9-го Июля 1904 года № 6359.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ

Пятница, 9-го Июля 1904 года № 6359.

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

Памяти А. П. Чехова.

„Р. Вѣд.“ получили слѣдующую телеграмму изъ Тулы:

„Умеръ Антонъ Павловичъ Чеховъ! Въ яркихъ образахъ рисовалъ онъ пошлость жизни, вызывая своимъ твореніемъ стремленіе осмыслить жизнь, внести въ нее новое содержаніе, создать въ ней такія условія, при которыхъ личность могла бы жить свободно и всесторонне полно, а человѣческія отношенія не опошлялись бы, не принимали бы мелочныхъ и уродливыхъ формъ. Русская жизнь и литература понесли тяжелую потерю. Мы просимъ редакцію передать семьѣ покойнаго выраженіе нашего глубокаго сочувствія и горя. Группа тульской молодежи“.

Г-нъ М. Гальперинъ рассказываетъ въ „Кіевл.“ о своей встрѣчѣ съ А. П. Чеховымъ въ Ниццѣ.

Когда я впервые увидѣлъ знаменитаго писателя—говоритъ онъ—то нашелъ мало сходства между оригиналомъ и фотографіями. Онъ выглядѣлъ гораздо старше болѣзненнымъ, худымъ. Его большіе умные и провинцательные глаза производили сильное впечатлѣніе. Голосъ былъ пріятный и ласковый. Въ разговорѣ онъ часто жестикулировалъ руками и всякій разъ хватался за пенснэ, какъ бы желая убѣдиться, хорошо ли оно сидитъ... Одышался А. П. небрежно.

Въ началѣ бесѣды Чеховъ затронулъ интересную тему, очень жгучую тогда: о происходившихъ волненіяхъ въ университетахъ.

А. П. осуждалъ, по словамъ г. Гальперина, это не серьезное, по его мнѣнію; движеніе. „Видъ сколько бунтующихъ теперь либераловъ, говоритъ онъ, сдѣлаются по окончаніи университета съренскими чиновниками, жаждущими теплаго мѣстечка“. Я вспомнилъ слова чеховскаго Иванова: „Всѣ беремся, все можемъ, а къ тридцати уже утомляемся, нигде не годимся“.

„Да, да, продолжалъ А. П., знаете, что было:—игра на билліардѣ, карты, водка... Этимъ недугомъ страдаетъ и молодежь, къ счастью конечно, не вся. А вы посмотрите, въ какую огромную сумму денегъ обходится правительству—и слѣдовательно народу—каждый гимназистъ, каждый студентъ. Право, все это движеніе, всѣ эти волненія и безпорядки совсѣмъ не серьезны.“ Говоря на эту тему, Чеховъ относился къ молодежи жестко.

Въ его осужденіи слышалась скорбь старшаго брата. „Наше спасеніе въ трудѣ, въ трудѣ, надо работать, работать“, говорилъ онъ, нервно шагая по комнатѣ и неоднократно повторяя любимыя слова, которыя какъ бы были лейтмотивомъ всей его бесѣды. Чеховъ, очевидно, переживалъ и былъ под вліяніемъ своей недавно законченной пьесы „Три сестры“.

О своемъ „Сахалинѣ“ Чеховъ передъ г. Гальперину, что онъ писалъ его для диссертациі. Авторъ отмѣчаетъ еще одну симпатичную черту въ прекрасномъ характерѣ Чехова.

Онъ былъ большой другъ дѣтей. Въ Ниццѣ на бульварахъ масса дѣтей, и писатель съ любовью смотрѣлъ на нихъ, часто дѣлая замѣчанія: „посмотрите, что за славная крошка!“ Разъ онъ остановился около дѣтской коляски и нѣжно погладилъ по головкѣ маленькаго пассажира.

Когда мы попрощались, Чеховъ собиравшись еще въ тотъ день проѣхать въ Мейгонъ навѣстить кіевскую артистку Немировичъ, сестру писателя. Она была безнадежно больна и умерла.

Онъ шутило вспоминалъ, какъ въ первые годы созданія маленькихъ рассказовъ, ихъ браковали редакторы, и онъ долженъ былъ представлять взамѣнъ новыя.

А потомъ, позже, немного пересмотрѣнный рассказъ, по существенно сохранный, принимался съ удовольствіемъ редакторомъ. Чеховъ смѣялся при этомъ воспоминаію, добродушно забывая тѣ тревоги, которыя въ свое время производила въ немъ эта редакторская безцеремонность. Онъ рассказывалъ это ободрительно, въ утѣшеніе начинающей молодежи.

* * *

Авторъ воспоминаій въ „Полт. Вѣстн.“ указываетъ, что даже въ послѣдній годъ своей болѣзни и жизни Чеховъ тщательно слѣдилъ за литературой, самой разнохарактерной и разнообразной.

Къ священнику Щ. еще въ февралѣ 1904 г. онъ присылалъ за „Миссіонерскимъ Обзорѣніемъ“, за „Церковными“ и „Епархіальными Вѣдомостями“. И онъ бесѣдовалъ о нихъ... Онъ зналъ, что жизнь шире теорій и симпатій, и безпристрастно старался глянуть всюду. Онъ зналъ, что и въ строго-послѣдовательномъ кальвинизмѣ и въ методическомъ квакерствѣ, какъ и во всякой партійности, могутъ быть свои „сумерки“, свои „хмурые люди“, свои „будни“, а ихъ то онъ и не любилъ. Онъ зналъ, что только бережное отношеніе къ своей и чужой душѣ, когда ее не давятъ ни тисками предразсудка, ни обухомъ принципа, только сохраненіе живой души, какими бы своеобразными интересами она ни жила,—способно освѣтить, осмыслить, осласлиивить жизнь. И, ухаживая за садомъ, онъ говорилъ Щ.: „Берегите минуты жизни! Не давайте душѣ скучать! Утѣшайте ее хоть чѣмъ-нибудь!“

Г. Гиларовскій приводитъ въ „Р. Сл.“ бесѣду о покойномъ съ В. А. Гольцевымъ, вспоминая слова Л. Н. Толстого о Чеховѣ.

— Послѣ Гоголя и Слѣщова у насъ нѣтъ ни одного писателя съ такимъ живымъ юморомъ.

Эти слова были сказаны нѣсколько лѣтъ назадъ нашимъ великимъ писателемъ.

Вспоминаетъ В. А. послѣдніе дни покойнаго въ Москвѣ въ маѣ. Плохъ былъ тогда А. П., но и будучи больнымъ, все время просилъ работы, просилъ посылать ему для просмотра произведенія, присылаемая въ „Рус. Мысль“, гдѣ онъ завѣдывалъ отдѣломъ беллетристики.

— Тебѣ трудно, отдохни!—уговаривалъ В. А.

— Ахъ, да скучно мнѣ безъ дѣла, при-
сылай, пожалуйста, работу!—просилъ А. П.

— И я выбиралъ ему четко написанныя самыя короткія вещицы, и, несмотря на болѣзнь, А. П. поправлялъ, просматривалъ, иногда самъ отвѣчалъ авторамъ, иногда просилъ черезъ меня отвѣтить.

Воспоминая о Чеховѣ нѣтъ конца, и мы приводимъ, конечно, лишь самое интересное и вышукое.